

нако эти памятники являются светскими произведениями, разрабатывают новую для XVII в. любовную тему, широко привлекая народно-поэтическую символику. По стилю они, особенно «Сказание о старом муже и молодой девице» во II редакции, иногда приближаются к произведениям сатирической литературы (использованием прибауточной рифмованной речи, бранных выражений), что, вероятно, объясняется влиянием образов и выражений городского фольклора.

«Сказание о молодце и девице» дошло только в пяти списках (один дефектный), и все они по отдельности изданы.<sup>134</sup> Но соотношение списков не выяснено, и текстологическое исследование «Сказания» отсутствует. А для этой повести оно имеет особое значение, так как каждый список по существу является особой редакцией, так велики их отличия друг от друга. М. О. Скрипиль указывает,<sup>135</sup> что сохранившиеся списки только в своей совокупности дают более или менее точное представление о фабуле «Сказания» и о составе стилистических формул. Характерная черта литературной истории повести — «ряд крупных отличий в составе и количестве стилистических формул, в приемах раскрытия сюжета при постоянстве его».<sup>136</sup>

Без исследования литературной истории повести невозможно ответить на ряд вопросов, возникающих при ее изучении, прежде всего на вопрос об истории ее создания: является повесть обработкой народно-поэтического произведения (М. О. Скрипиль связывает с фольклором язык и стиль «Сказания» и отчасти композицию, указывая, что «любовный диалог» — нередкая форма народных песен<sup>137</sup>) или это «продукт личного творчества автора ... овладевшего стилем фольклорных произведений»?<sup>138</sup>

С решением этого вопроса связана и другая проблема: только ли фольклору обязаны оба «Сказания» использованием диалога? Нельзя ли наблюдать в этих памятниках своеобразного преломления традиций учительной литературы? Авторы «Сказаний» сохраняют отчасти традиционные представления о характере своей героини: именно к ней как нельзя лучше подходит одна из характеристик «злой жены», данная в «Беседе отца с сыном»: «Имеет язык яко бритву изощрену».<sup>139</sup> Диалог — «прение» является одной из распространенных форм и учительной литературы.

Текстологическое исследование поможет окончательно решить вопрос об оригинальности «Сказания о молодце и девице» (А. В. Марков и А. А. Назаревский высказывались против русского происхождения повести<sup>140</sup>) и о времени его создания (вопрос, поставленный Х. Лопаревым: является «Сказание» памятником XVII в., использовавшим старый лекси-

<sup>134</sup> См.: Библиография древнерусской повести В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, стр. 279. Отрывки из повести по списку ГПБ, Q.XV. № 107 изданы в «Отчете Императорской Публичной библиотеки за 1896 г.» (СПб., 1900, стр. 171—173). Относительно списка Забелина, № 299, указанного в Библиографии А. А. Назаревского, сообщается, что это не повесть, а интермедия XVIII в. (Библиография А. А. Назаревского, стр. 16). Любопытно, что в рукописной традиции «Сказание» связывается со «Сказанием о старом муже и молодой девице» (рукопись БАН, 33.4.32) и «Беседой отца с сыном» (рукопись ГПБ, ОЛДП. Q № ССХХХII).

<sup>135</sup> История русской литературы, т. II, ч. 2, стр. 230—233.

<sup>136</sup> Там же, стр. 233.

<sup>137</sup> Там же, стр. 232.

<sup>138</sup> Там же.

<sup>139</sup> Памятники старинной русской литературы, вып. 2, стр. 463.

<sup>140</sup> См.: А. В. Марков. К вопросу о национализации иноземных поэтических сюжетов (Сказание о молодце и о девице). — Этнографическое обозрение, 1904, № 2, стр. 167—168; В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Москву 1—12 февраля 1912 г. Киев, 1912, стр. 6 (резюме доклада А. А. Назаревского).